

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Т. П. ЛОМТЕВ

О РОЛИ НАКОПЛЕННЫХ СРЕДСТВ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

И. В. Сталин учит, что переход языка от старого качества к новому происходит путем постепенного накопления элементов нового качества, элементов новой структуры языка и, следовательно, путем постепенного отмирания элементов старого качества¹. Эти указания товарища Сталина ставят перед языковедами задачу всесторонней разработки вопроса о конкретной взаимной связи и взаимной зависимости между уже накопленным и текущими накоплениями в языке.

В каждый данный исторический момент язык представляет собой систему накопленных средств, являющихся результатом прошлого опыта общения людей, и новых, живых, текущих накоплений, являющихся результатом нового, живого, текущего опыта общения людей. То и другое находится в единстве, в постоянной взаимной связи и зависимости.

Взаимосвязь и взаимозависимость между накопленными средствами общения и текущими, живыми накоплениями бывает двух видов. Новые текущие накопления могут, с одной стороны, содействовать сохранению, укреплению и шлифовке накопленных средств языка, т. е. данного качественного своеобразия его во всей совокупности структурных особенностей. В этом случае прежде накопленное в языке господствует над текущими накоплениями, подчиняет их себе, формирует по своему образу и подобию.

С другой стороны, новые текущие накопления могут содействовать ограничению, отмиранию элементов старого качества. В этом случае прежде накопленное в языке не господствует над новыми текущими накоплениями, а подчиняется им, служит только исходной позицией для нового развития.

1

Первый вид взаимозависимости между накопленным и накапливаемым в языке может привести только к изменению функции ранее сложившейся формы, но не к образованию новой структурной модели. Так, по образцу *зимую — зимовать* в белорусском языке образованы глаголы *лятую — летаваць, бябую — бедаваць* от существительных *лета, бяда*. Эти белорусские глаголы представляют собою отличные от русского литературного языка примеры глагольного словообразования. По этому образцу в белорусском языке происходит образование глаголов от имен, заимствованных из иностранных языков, например: *планую — планаваць*, русск. *планиро-*

¹ См. И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, Госполитиздат, 1952, стр. 27, 28.

ваць; агітую — агітаваць, русск. агитировать; аналізую — аналізаваць, русск. анализировать и т. п.

По образцу общей для славянских языков модели образования имен, обозначающих лица, посредством суффикса *-ник* в белорусском языке образованы имена существительные: *прад'яўнік*, русск. *предъявитель*; *пакупнік*, русск. *покупатель*; *целаахоўнік*, русск. *телохранитель*; *згоднік*, русск. *согласитель* и т. п. По образцу *богач* в белорусском языке образованы имена: *чытач* «читатель», *слухач* «слушатель», *дзеяч* «деятель» и т. п. Все подобного рода новообразования представляют собой накопление слов по образцам старых грамматических моделей, общих для славянских языков, в рамках ранее сложившегося качественного своеобразия данного языка. Из этих примеров ясно, что роль суффиксов *-ач* и *-ник* в белорусском словообразовании иная, чем в русском, и это представляет собой одну из особенностей национального своеобразия белорусского языка в отличие от русского.

То же самое мы наблюдаем в области склонения. В истории белорусского языка в системе местоименного склонения употребление твор. падежа постепенно расширилось за счет сужения употребления местного падежа; количественные накопления этого рода привели к полной победе падежной формы твор. падежа, который принял на себя и прежние значения местного. Если в русском языке мы различаем *Работал со своим сыном* и *Говорил о своем сыне*, то в белорусском языке в обоих случаях местоимение *свой* имеет одну форму (по происхождению) твор. падежа: *Працаваў з сваім сынам* и *Гаварыў аб сваім сыне*. Таким образом, в современном белорусском языке система местоименного склонения имеет только пять падежных форм.

К числу подобных процессов в более древних языковых явлениях относится и образование род. падежа в балтийско-славянских языках с окончанием на *-а* в славянских (*сада*) и с окончанием на *-о* в литовском (*sodo*). Современная форма род. падежа (по происхождению форма отложительного) соединила в себе значение бывшего родительного и бывшего отложительного падежей.

Итак, расширение случаев употребления ранее сложившихся форм может привести к изменению их функций в системе языка. Это бывает обычно в тех случаях, когда расширение употребления одной формы происходит за счет полного устранения другой или за счет серьезного ограничения ее употребления.

2

Но в языке развиваются и накапливаются также элементы новой структуры языка, нового качества, нового как по своей функции в системе языка или по своему значению в нем, так и по своей грамматической структуре. Они могут возникнуть только тогда, когда накопленное в языке не господствует над накапливаемым, не формирует его по образцам и моделям своего установившегося качественного своеобразия, а служит только ступенью, исходной позицией для развития элементов нового качества, новой структуры языка.

Говоря о переходе языка от одного качества к другому, товарищ Сталин подчеркивает опять-таки изменение структуры языка «... путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка...»². Элементы новой структуры языка закрепляются также в результате постепенных накоплений. Но эти последние протекают не на основе господства прежде созданных моделей, а на основе постепенного

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1952, стр. 27.

сложения новых структурных элементов языка и соответственно отмирания старых.

Обратимся к примерам из области истории падежных форм имен. В общеславянском языке-основе местный падеж выражал пространственные значения без участия предлога *в* или *на*, причем в этом падеже для обозначения места употреблялись имена существительные, имевшие разные местные значения. Ср. сохранение подобного употребления форм местного падежа в литовском языке: *Vaikai buvo miške* «Дети были (в) лесу»; *Mes buvoma Zoologijos sode* «Мы были (в) Зоопарке»; *Tėvas dirba sode* «Отец работает (в) саду»; *Kolūkiečiai dirba lauke* «Колхозники (в) поле»; *Zuvis verda katilė* «Рыба варится (в) котле»; *Duona kėpa pečiui* «Хлеб печется (в) печке»; *Pasas guli stalčiui* «Паспорт лежит (в) ящике» и т. п.

В последующей истории славянского языка-основы для обозначения места стали использоваться вместе с именем в местном падеже и предлоги *в* и *на*. Сначала употребление предлогов распространялось при именах, не являющихся собственными названиями населенных пунктов, в связи с чем уже являются чрезвычайно редкими случаи употребления форм местного падежа типа: *Сохранени кости наше семь мѣсть* (Супр. рук., 81)³; *Живущи междуречи* (Супр. рук., 60); *Жена лежит ногамъ ему* (Супр. рук., 269); *Див кличетъ врѣху дръва* («Сл. о п. И.», 67); *Князь же с Новгородци быша верху Волги* (Сузд. лет. по Акад. сп., 492). Между тем употребление собственных названий населенных пунктов в местном падеже без предлога было широко представлено. В связи с этим являются далеко не единичными примеры типа: *И посади Вышеслава Новгородъ, а Изяслава Полотъскъ, а Святополка Туровъ, а Ярослава Ростовъ; умершу же старѣйшему Вышеславу Новгородъ, посадиша Ярослава Новгородъ, а Бориса Ростовъ, а Глеба Муромъ, Святослава Деревъхъ, Всеволода Володимери, Мстислава Тмутарокани* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 118; в Радз. и Акад. сп. везде *в*).

В последующей истории русского языка и собственные имена населенных пунктов перестали употребляться без предлога в местном падеже. В современном русском языке обязательны предложные конструкции типа: *Работал в саду, Был в комнате, Летал в воздухе, Варил в котле, Был в Киеве* и т. п.; *Был на Украине, Лежал на столе, Стоял на дороге* и т. п.

В белорусском языке, кроме предлога *у* (русс. *в*) и *на*, в сочетании с местным падежом как единственного, так и множественного числа употребляется предлог *па* (русс. *по*), например: *Плаваў па марах, Хадзіў па шляхах, Раскладваў па сталах, Хадзіў па полі* и т. п. Таким образом, в соответствии с одной исконной беспредложной формой местного падежа современный русский язык получил две разные конструкции с разными значениями, из которых одна представлена предлогом *в* в сочетании с местным падежом имени и обозначает пребывание чего-либо в чем-либо (*Рыба варилась в котле*), а другая представлена предлогом *на* в сочетании с местным падежом имени и обозначает пребывание чего-либо на чем-либо

³ В настоящей статье приняты следующие сокращения: Супр. рук. — Супрасльская рукопись, цит. по книге В. Вондрака «Древнецерковнославянский язык», Казань, 1915; «Сл. о п. И.» — «Слово о полку Игореве», цит. по изданию А. С. Орлова, М., 1946; Ипат. лет. — Ипатьевская летопись, «Полное собрание русских летописей», т. II, вып. 1, 3-е изд., Пг., 1923; «Пов. вр. л.» по Лавр. сп. — «Повесть временных лет», по Лаврентьевскому списку, СПб., 1910; «Посл. Грозн.» — «Послания Грозного», Ф. И. Буслев, Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков, М., 1861; «Рус. Пр.», Син. сп. — «Русская Правда», Синодальный список, цит. по книге «Правда русская», т. I, М., 1940; Сузд. лет. по Акад. сп. — Суздальская летопись по Академическому списку, «Полное собрание русских летописей», т. I, вып. 3, 2-е изд., Л., 1928; Радз. сп. — Радзивилловский список «Повести временных лет»; Акад. сп. — Академический список «Повести временных лет».

(*Лежал на столе*). Белорусский же язык в соответствии с одной исконной беспредложной формой местного падежа получил три разные конструкции с разными значениями: с предлогом *у*: *Жыў у Маскве*; с предлогом *на*: *Ляжаў на сталe*; с предлогом *па*: *Хадзіў па шляхах*.

Постепенное накопление случаев употребления местного падежа с предлогами *в* и *на* привело в течение длительного времени к образованию элементов нового качества, которые представляют собою новое качество как по значению, так и по грамматической структуре.

Своеобразную историю имел дат. падеж в значении места. В общеславянском языке-основе в этом значении он мог также выступать без участия предлога. К ому же, как и в местном падеже, в дательном беспредложном падеже употреблялись имена существительные разного характера. Об этом опять-таки свидетельствует литовский язык. Позднее дат. падеж при обозначении места или предмета, к которому направлено движение, стал сочетаться с предлогом *к*. Так, мы имеем: *Иде Ярослав Новгороду* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 147), но позднее: *к Новгороду* (Радз. и Акад. сп.); *Ярослав совокупи воя многи, и приде Києву* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 147), но позднее: *к Києву* (Радз. и Акад. сп.) и т. п.

В древнерусских памятниках дат. падеж собственных названий населенных пунктов без предлогов употреблялся весьма широко. Что касается нарицательных названий места, то чрезвычайно редки примеры типа: *Возвратишся домовъ* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 396) (*домовъ* из *домови* — формы дат. падежа основ на *-и*); *Припадаю вашим стопам* («Посл. Грозн.», 849).

Еще реже употреблялся дат. падеж названий лиц, к которым направлено движение, выраженное переходным глаголом, например: *Еха брату своему Игореву* («Ипат. лет.», 317); *Изяслав иде шюрину своему* (там же, 289). В этих случаях позже стало употребляться сочетание с предлогом *к*: *Поехал к брату, к шюрину* и т. п. При переходных глаголах названия лиц, к которым направляется движение, в одних случаях сохранили беспредложный дат. падеж, например: *Принес подарок брату, отцу, матери* и т. п., в других случаях при дат. падеже распространился предлог *к*, например: *Перевез свои вещи к брату, к отцу* и т. п.

То же различие сложилось и в литовском языке; для выражения первого значения употребляется старая конструкция с дат. падежом без предлога, например: *Athnese knygą broliui* «Принес книгу брату», а для выражения второго значения употребляется новая конструкция, состоящая из! предлога *pas* и имени существительного в вин. падеже, например: *Nuneše knygą pas broli* «Отнес книгу к брату». Образование таких новых форм, новых моделей в языке и означает, что прежде накопленное в нем служит лишь исходной позицией для качественно новых накоплений.

Обратимся теперь к примерам из области истории глагольных основ. В современных славянских языках среди других глагольных разрядов имеется и такой, который характеризуется чередованием форманта *-у-* (лит. *-и-*) или *'у* в формах настоящего времени и форманта *-ова-* (лит. *-ова-*) или *-ева-* в формах инфинитива, например: *зимую — зимовать, ночую — ночевать, именую — именовать* и т. п.

Возведение соотношения названных глагольных основ к индоевропейскому языку-основе неправомерно, так как ни в одном из индоевропейских языков названное соотношение в таком виде не повторяется. Кроме того, такое возведение ничего не объясняет, а только отодвигает решение вопроса, отсылая к эпохе развития языка, изучение которой пока еще недоступно нашим методам. Между тем возможно простое объяснение, которое предполагает связь этих глагольных основ с именными основами,

прежде всего с основами имен прилагательных, содержащими формант *-оц-* или *-ец-*. Формант *-ова-* указывает на первичное *-оц-*, которое в форме инфинитива перед *-а-* должно было дать *-ов-* (*торговать*), а в форме настоящего времени перед *j* — *-у-* (*торгую*).

Аналогичные глаголы в литовском языке имеют основу с формантом *-ац-* как в формах настоящего времени: *draug-au-ju*, так и в формах инфинитива: *draug-au-ti*. Тождество основы настоящего времени и инфинитива сохраняется здесь лишь потому, что эти глаголы образуют инфинитив по преимуществу посредством *-ti*, как в русском: *несу* — *нести*. В славянских же языках глаголы с формантом *-оц-* принадлежат к разряду глаголов, у которых формы настоящего времени и форма инфинитива имеют разные основы: в первом случае за формантом *-оц-* следовал *-je-* (*зим-у-ješь*), во втором случае *-а-* (*зим-ов-а-ть*).

Таким образом, в литовском и славянских языках глаголы с формантом *-оц-* принадлежат к разным глагольным разрядам. Это значит, что система глагольных основ, представленная соотношением *беседую* — *беседовать*, сложилась в славянских языках самобытным путем и представляет славянское образование, т. е. относительно поздний результат развития глагольных основ.

После того, как постепенные изменения сочетаний гласных с сонантом *-ц-* завершились как в положении перед согласными, так и в положении перед гласными, единство указанного сочетания в разных положениях утратилось, единое в прошлом звуковое сочетание распалось на два звуковых комплекса, потерявших между собою связь; так образовалась новая система основ в новом разряде глаголов: *бедую* — *бедовать*, *беседую* — *беседовать*, отличная от прежде созданной системы основ в глагольном разряде типа: *пишу* — *писать*, к которой исторически принадлежали и глаголы с чередованием *-у/-ова-*. В данном случае прежде накопленное в языке служит лишь исходной позицией для новых качественных образований.

Элементы новой структуры языка зарождаются и развиваются в недрах накопленной структуры и образуются из ее материалов. Ввиду этого формирование элементов нового качества в грамматическом строе языка происходит путем их отбора по внутренним законам из материалов накопленных структурных средств языка.

В древнерусских памятниках засвидетельствованы попытки использовать и приспособить разные глаголы для образования формы будущего времени несовершенного вида; в числе их мы находим глаголы — *имать*: *Погании имуть радоватися и возмуть землю нашу* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 6065 г.) «Будут радоваться и возьмут землю нашу»; *начать*: *Аже начеть сне знать у кого купил, то ити по немъ тѣмъ видокамъ на тѣргу на роту* («Рус. Пр.», Син. сп., 19) «Если не будет знать у кого купил, то ийти... на роту»; *хотѣть*: *И рече ему: то вѣси ли, что утро хочеть быть* («Пов. вр. л.» по Лавр. сп., 120) «Знаешь ли ты, что скоро будет утро?»

Ни один из этих глаголов не закрепился в роли вспомогательного глагола для выражения будущего несовершенного, между тем как в болгарском языке в этой функции закрепился глагол со значением «хочу» в формах: *направи ща* «сделаю», *направи щеш* «сделаешь», *направи ще* «сделает» и т. д. В южных белорусских говорах закрепился глагол *иму* в формах: *писацьму*, *писацьмеш*, *писацьме* и т. д.

В современном русском языке имеется два способа выражения главного члена придаточных предложений цели: если в главном и придаточном предложениях один и тот же субъект, то в придаточном предложении цели употребляется инфинитив, например: *Пошел в театр, чтобы прослушать новую оперу*. Если в главном и придаточном предложениях разные субъекты, то в придаточном предложении цели употребляется глагол прошедшего

времени, например: *Просил его, чтобы он купил книгу*. Между тем в древних памятниках мы находим употребление инфинитива и прошедшего времени глагола как в односубъектных, так и в разносубъектных предложениях.

Иначе протекал процесс отбора и закрепления форм в рассматриваемых предложениях в словацком языке. Там возобладали формы на *-a*, т. е. форма прошедшего времени, и в разносубъектных предложениях, например: *Ропика navštevnikov, aby si posadali* «Приглашает гостей, чтобы они сели», — и в односубъектных предложениях, например: *Kriči Košaj pri Košenovom ushy, aby prehlušil huk strojov* (Графо Крал', Bude, ako nebolo, 117) «Кричит Кошай над ухом Корня, чтобы заглушить (послов. *aby prehlušil*) шум машин».

При локальных предлогах в древнерусском языке употреблялись формы винительного и родительного, а также отчасти дат. падежа, например: *подле реку Иордан, возле бочку, мимо Новгород, видит против Волгу, посла противу им Бориса* и т. п. В последующей истории из двух или трех падежей, употреблявшихся при том или другом предлоге, был отобран и закреплен род. падеж, например: *возле бочки, мимо дома, против их* и т. п.

Сами локальные предлоги отбирались и закреплялись из многочисленного материала. Многие имена стали предлогами, будучи первоначально формой местного падежа без предлога в пространственном значении, например: *сквозь землю Половецкую*, ср. в современном русском языке *сквозь*; *поставиши и средь двора*, ср. в современном русском языке *среди*. Многие имена использовались в предложной функции, но не закрепились в ней, например: *съде прямо рая, ста прямо града*; в современном русском языке: *против рая, против города*.

Таким образом, нужно признать односторонним распространенное в лингвистической литературе представление о действии внутренних законов как проявлении унаследованной системы языка в последующем его развитии. Мы допустили бы большую ошибку, если бы при определении внутренних законов подчеркивали лишь моменты формирования вновь накапливаемого в языке по установившимся образцам прежде накопленного. Новые накопления могут формироваться из унаследованного материала по новому типу, образуя элементы нового качества, элементы новой структуры языка.